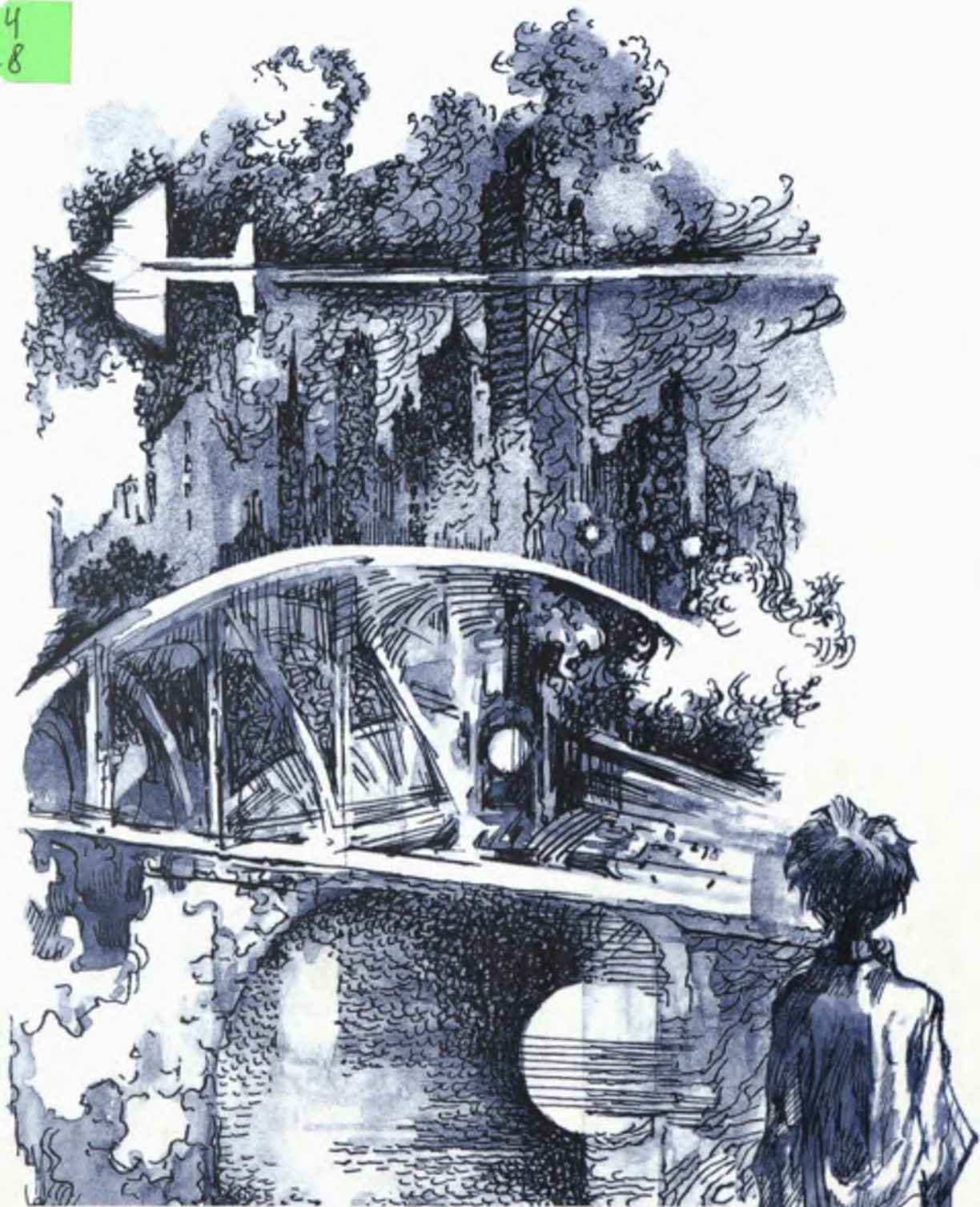

К 84
К 78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

**ГОЛУБЯТНЯ
НА ЖЁЛТОЙ ПОЛЯНЕ**

516398

СОБД и Ч
Отдел хранения

ГОЛОС БЕЛОРУССКОЙ ПОЛЯНЫ

Выпуск № 1

Содержание

Минск
Издательство «Белорусская Поляна»
1989

Всё права защищены
Запрещается воспроизведение
или распространение
этого издания

K84

K78

Владислав Крапивин

ГОЛУБЯТНЯ НА ЖЁЛТОЙ ПОЛЯНЕ

Роман-трилогия

516398

Рисунки Евгении Стерлиговой

Москва

Издательский Дом Мещерякова

2014

Областная библиотека
для детей и юношества
г.Екатеринбург

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6
К77

Крапивин В. П.
К77 Голубятня на жёлтой поляне : роман-трилогия / Владислав Крапивин ; рис. Евгении Стерлиговой. — Москва : Издательский Дом Мещерякова, 2014. — 512 с. : ил. — (БИСС).

ISBN 978-5-91045-626-0

«Голубятня на жёлтой поляне» — одна из тех особенных книг, которую не расскажешь своими словами. Из таких вот необъяснимых книг мы обычно и узнаём, что есть жизнь, есть подвиг, есть любовь, а смерти нет. Ничто не проходит без следа.

УДК 821.161.1-053.2
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Крапивин В. П., текст, 1983
© Стерлигова Е. И., иллюстрации, 2013
© ЗАО «Издательский Дом Мещерякова», 2014

ISBN 978-5-91045-626-0

ГОЛУБЯТНЯ В ОРЕХОВЕ

Ольга и Четверо

— Как, вы знаете, Ольга? Не знаю, только слышала, что вы уехали из деревни, но почему? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга.

— Это вы знаете, Ольга? Не знаю, только слышала, что вы уехали из деревни, но почему? — спросила Ольга.

— Почему вы уехали? — спросила Ольга.

— Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга.

— Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга.

— Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга. — Почему вы уехали? — спросила Ольга.

ВСТУПЛЕНИЕ

Один и четыре

— Был, видимо, июнь. У цирка цвели кусты жёлтой акации. Алька, не вставая со скамьи, дотянулся до ветки, сорвал похожий на ушастого зверька цветок, сунул в рот. Сладко зажмурился.

Тик посмотрел на Альку и сделал то же самое.

— Травоядные, — сказала Данка.

Тогда и Чита, не отрываясь от книги, добыл себе цветочек.

Яр вспомнил, отчётливо вспомнил, как всасывается в язык сладковатый, с травянистым запахом лета сок. Виновато посмотрел на Данку и тоже потянулся к ветке. Данка сделала вид, что не заметила.

Яр осторожно раскусил корешок цветка, тихонько засмеялся и закрыл глаза. Он отчётливо услышал голос мамы: «Яська, опять ты жуёшь эту зелень! Ты превратишься в верблюда».

«Ещё немного, и я вспомню мамино лицо», — подумал Яр.

В сквере было шумно. До утреннего представления оставалось минут сорок, в цирк пока никто не спешил. Мальчишки и девчонки играли в прятки и догонялки. Кто-то смеялся, кто-то кричал: «Это не по правилам, пускай теперь Сашка

ищет!» Щёлкали пистонные пистолеты. Перебивали и путали друг друга считалки.

Вот знакомая:

На золотом крыльце сидели
Царь, царевич, король, королевич...

Вот незнакомая:

Раз-два! Три-четыре!
Синий слон живёт в квартире!
На слоне лежит доска,
Раз-два-три —
Тебе искать!

Яр вспомнил, как он, зажмурившись и прижавшись лбом к забору, торопил приятелей: «Раз-два-три-четыре-пять: я иду искать! Кто не спрятался — я не виноват!» Та-та-та-та! — разлетался топот подошв. Разбегутся, притаятся. И тихо во дворе, как на пустой планете...

Не надо про планеты.

Надо сидеть и радоваться подарку судьбы. Лету. Вот этим голосам и смеху...

Кто-то радуется, а кто-то не очень. Вон курчавый пацанёнок в клетчатом костюмчике поссорился с мальчишками. Они кричат:

— Не видишь, что ли, нас уже четверо!

— Ну и что? Никто же не узнает! — обиженно доказывает он.

— Ненормальный какой-то! Иди один, а то получишь!

Ребята убежали, а курчавый мальчишка надулся и так сердито сунул в кармашки кулаки, что весь его жёлто-синий костюмчик смялся и скособочился.

Яр пожалел мальчишку, как самого себя. Когда он был маленький, его, случалось, тоже не брали в компанию...

Алька забрался на спинку скамьи, балансировал на ней и рвал с куста цветки покрупнее.

— Сядь, — сказала Данка. — Свалишься и весь извозишься.
— Щас... — Алька прыгнул, зацепил Читу. — Ой...
— Обормот, — вздохнул Чита. И снова взялся за чтение.
— Правильно, обормот, — сказала Данка. — А ты, Вадик, тоже. Хотя бы сегодня обошёлся без книжки... Такое дело, а ты...

— Я всё понимаю. Одно другому не мешает.
— Что тебе говорила учительница? — поддел Читу Алька. — «Если бы ты, Вадик, глотал учебники, как глотаешь книжки, ты учился бы на одни четвёрки».

Чита перелистнул страницу.

— А почему не на пятёрки? — спросил Яр.
Чита поднял голову и снял очки. Данка округлила глаза. Тик... в его карих глазах — Яр увидел ясно — метнулись непонятные тревога и радость. Алька подскочил и свалился в траву.

— Вот это да! Вот сказать бы ей: «Поставьте мне пять»!

— Ребята, вы не смейтесь, — растерянно сказал Яр. — Конечно, я могу что-то напутать... Вот когда мы учились...

Алька от смеха перекатился с травы на песок дорожки. Данка подняла его и бесцеремонно шлёпнула.

— Ну что за чучело!

Из какого-то незаметного кармашка выдернула платочек, стала смахивать сухой песок с белой Алькиной рубашки — ещё недавно чистой и отглаженной. А заодно — с волос, шеи, щёк и ушей. Алька, чуть косолапя, перебирал исцарапанными ногами, фыркал, отворачивался и всё время хихикал.

Потом успокоились, опять расселись на скамейке. После споров и смеха выпадают иногда такие тихие минутки. Данка, укоризненно вздыхая, сворачивала платок. Алька помусоленным пальцем стирал с колена прилипшие песчинки и заглядывал в книжку Читы. Тик молчаливо приткнулся к Яру. Яр обнял его за плечо, откинулся на спинку скамьи и разглядывал здание цирка.

Это был старый деревянный цирк. Поразительно знакомый. Над парадным входом поднимались на дыбы громадные фанерные кони — чёрные с красными сёдлами. В стороне

от них белозубо улыбалась фокусница София Марчес с пунцовой розой в смоляных волосах. И держала на ладони лилипута (София и лилипут тоже были фанерные).

Яр вспомнил, как он, восьмилетний, с замиранием ждал на представлении, когда же София вытащит из какой-нибудь вазы или коробки крошечного лилипутика и вот так поставит на ладонь. Но этого ни разу не случилось. Лилипуты, выступавшие в аттракционе Марчес, были не такие уж маленькие — ростом вот с этого «клетчатого» мальчика, который всё ещё стоял с кулаками в тесных кармашках.

Мальчик будто ощутил взгляд Яра, сердито обернулся, растопырил локти и зашагал через кусты к дальнему дощатому забору.

— А что за забором? — спросил Яр у Данки. — Городской сад?

Она кивнула. Алька вскочил:

— Конечно, сад! Мы там в пиратов играем! Там по вечерам гулянья, а днём почти никого... Только там в гущине крапивы много.

Яр осторожно сказал:

— Мне кажется, там должен быть фонтан. Два мальчика с луком...

— Да, — быстро отозвался Тик. — Хочешь посмотреть? Это близко, там в заборе дыра...

Фонтан стоял посреди поляны, окружённой старыми берёзами. Это был круглый каменный бассейн. Посреди бассейна торчала сложенная из булыжников горка, а на ней темнели фигурки двух бронзовых мальчишек. Один, вытянувшись в струнку, поднял согнутый лук с нацеленной в зенит стрелой. Другой сидел у его ног и держал запасные стрелы. Оба смотрели вверх.

«Сколько лет они в этом саду... — подумал Яр. — Вечные ровесники всех мальчишек, которые здесь играли и будут играть... А там в последний раз их не было. И сада не было, и цирка...»

Фонтан работал в четверть силы. Из тонкой трубки-стрелы выбивалась небольшая струйка, и вода стекала по мальчишечьим рукам и плечам (на плечах лежали зелёные полоски медной окиси). На внутренней стороне бассейна выплёвывали водяные жгутики озорные детские рожицы, тоже отлитые из бронзы. В бассейне вода слегка рябила, но сквозь неё хорошо различалось бетонное дно. Яр заметил дрожащий блеск нескольких белых и жёлтых монеток.

— Ура, — деловито сказал Алька, — будет нам мороженое.

Дрыгнув ногами, он скинул растоптанные сандалеты и соскользнул с края бассейна в воду. Тик хотел пойти за ним, но Данка не пустила:

— Если будет мокрый, то пускай хотя бы один... И вообще, это неприлично — мелочь в воде собирать.

— Дана, не обрастай предрассудками, как классная дама, — возразил Чита. — Все собирают.

— И вовсе я не буду мокрый, — сказал Алька. Вода была ему чуть выше колен. — Ух и тёплая...

Он стал бродить вокруг каменной горки. Иногда нагибался и, макая подвёрнутый выше локтя рукавчик, доставал добычу.

— Вон ещё денежка! — командовал Тик.

— И вон! — показывал снятыми очками Чита.

Яр тоже не зевал:

— Алька, смотри! Рядом с ногой!

Даже Данка сперва увлеклась. Но скоро сказала:

— Хватит уже. В цирк опоздаем.

— Там ещё много осталось, — с сожалением отозвался Алька. Но пошёл к барьеру.

— Сюда каждый вечер монетки бросают, — объяснила Данка Яру, — потому что этот фонтан все любят. Он все нашествия пережил.

«Какие нашествия?» — хотел спросить Яр. Но тут приблизился Алька, пришлось его вытаскивать на сушу.

— Много? — спросил Тик.

Алька разжал кулачок. На ладони лежала кучка мокрых монеток — серебристых и медных. Яр взял одну жёлтую. Размером

она была в точности как знакомые по давнему детству пятаки. И тоже рубчики по краям. Но изображение оказалось незнакомым: четырёхугольная звезда, похожая на розу ветров. Яр перевернул монету. И поморщился от неожиданности: на другой стороне была цифра 4. В подтверждение её по кругу шла надпись:

Четыре копейки. Размен. знак

Яр с непонятной досадой положил «обманный пятак» в Алькину ладошку. Потом рассердился на себя: расстраиваться из-за такой мелочи, как незнакомая монетка, просто глупо. После всего, что случилось!

Он поймал тревожный взгляд Тика: «Что-то не так?»

«Всё в порядке», — улыбнулся Яр.

И Тик улыбнулся. Чуть виновато.

Они пошли к лазейке, ведущей в сквер, к цирку. Алька, гордый добычей, топал впереди. Яру показалось, что Алькина походка стала чуть больше «кавалерийской», чем раньше. И тут же Данка сказала:

— Ты почему хромаешь?

— Да так...

— Алька!

— Ну, там, кажется, стекло было...

— Вечно с тобой истории. — Данка опять достала платочек. — Дай сюда ногу, балда... Вот засоришь да схватишь какую-нибудь заразу...

— Ой, уже схватил... Р-р-р! У меня бешенство! — Алька запрыгал на одной ноге.

— Дурь у тебя... — Данка разорвала платок на ленты. Общими силами замотали порезанную Алькину ступню (он хихикал от щекотки). — Обувайся, радость ненаглядная. Да ступай осторожнее.

— «Осторожнее, осторожнее»... Нога, что ли, отвалится?

— Не ворчи и слушайся старших, — усмехнулся Чита.

— Это Дарья-то старшая? Ой-ой-ой! Вот это да!

— Тогда меня слушайся, — сказал Яр. — Я-то уж точно старше. Даже и не сосчитать, во сколько раз.

Не оглядываясь, Алька проговорил с ехидцей:

— Ну и что? Зато ты не настоящий, а придуманный.

— Алька! — со звоном сказал Тик.

Все остановились. Чита растерянно надел очки.

— Алька, ты что?.. — сказала Данка.

Алька быстро глянул на всех, отвернулся и засопел.

Тяжёлая неловкость навалилась на всю компанию. Яр коротко вздохнул. Обижаться было глупо. Но всё же на миг ему стало жаль себя. Так же, как жаль было курчавого мальчишку, которого недавно прогнали четверо приятелей...

Судя по всему, назревала ссора. Может быть, даже со слезами. В такой, казалось бы, дружной компании!

Чтобы всё сделать шуткой, Яр крикнул, как рассерженный Дед Мороз, и пробасил:

— Тут где-то растёт крапива, про которую ты говорил. Я вот сорву, а там посмотрим, придуманный я или нет.

Это прозвучало ненатурально и глупо. Данка отвела от Яра глаза и сказала Альке:

— Бессовестный. Извиняйся сейчас же.

Алька порозовел, опустил пшеничные ресницы. Сказал сипловато, но всё же с чуть заметной игривой ноткой:

— Простите, пожалуйста, я исправлюсь.

— Бессовестный, — опять сказала Данка.

— Мы не опоздаем? — чересчур озабоченно спросил Тик.

Яр взглянул на часы.

— Двадцать минут до звонка. Пошли! Мы ведь хотели ещё мороженого купить.

— В цирке за мороженым сейчас очередища, — возразила Данка. — А здесь, в саду, недалеко киоск есть. Вы идите и подождите меня у скамейки, я сбегаяю. Алька, дай деньги.

Насупленный Алька вытряс из кармана монетки.

Тик переглянулся с Данкой.

— Я с тобой сбегаяю! Тебе не унести столько порций. Сразу... пять...

— Я с вами, — сумрачно сказал Алька.

— Ты хромой.

Данка и Тик умчались. Алька секунду подумал и кинулся за ними...

Яр и Чита сели в сквере на прежнее место. Чита сию же минуту уткнулся в книгу. Яра это даже слегка разозлило. Но он постарался прогнать досаду и неясную тревогу. Вдохнул в себя лето и стал смотреть, как втягивается в цирковые двери пёстрая ребячья толпа.

Яра легонько тронули за плечо. Сзади стоял хмурый Алька. Он шагнул назад и поманил Яра за собой.

Они быстро отошли.

— Что, Алька? — с испугом спросил Яр.

Это был какой-то другой Алька. Без всякой смешинки в серо-зелёных своих глазах, будто похудевший и подросток.

— Что, Алька? Что случилось?

Тот шагнул к Яру вплотную, прочно взялся за его рубашку, уткнул ему под рёбра запрокинутый подбородок. И, глядя снизу вверх, тихо спросил:

— Ты о ч е н ь обиделся?

Яра накрыло тёплой волной.

— Ну что ты, Алька, — одними губами сказал он.

— Нет, правду скажи.

И Яр сказал правду:

— Самую капельку. Но сейчас уже несколько не обижаюсь. Честное слово.

Алька переглотнул. Ещё острее уткнулся подбородком.

— Пожалуйста... Ну пожалуйста-пожалуйста, извини меня. Ладно?

Яр улыбнулся, пятернёй взъерошил Алькины нестриженные волосы. Несколько секунд Алька смотрел с жалобной тревогой. Потом тоже заулыбался, превращаясь в прежнего Альку. Яр подхватил его, невесомого, вскинул на вытянутых руках, закружил над собой. Алька радостно заверещал, дрыгая ногами и теряя сандалеты. Подбежали Данка и Тик. Подошёл Чита.

— Я тоже так хочу, — сказал Тик.

Яр усадил босого Альку в траву, взметнул вверх Тика. Тик не стал верещать, упруго выгнулся, раскинул в стороны ноги, развёл прямые руки (в каждой — стаканчик с мороженым).

— У нас такое упражнение называлось «мельница», — вращая Тика над головой, сказал Яр.

— А у нас — «штурвал»! — крикнул Тик.

И правда, его тонкие ноги и руки мелькали, как спицы в рулевом колесе парусного корабля из старинного фильма про пиратов.

Яр приземлил Тика и спросил у Данки:

— Тебя повертеть?

— Нет, я уже большая, — вздохнула она.

Предлагать «верчение» серьёзному Чите Яр не решился. Но тот сказал ревниво:

— А меня?

— Ты, наверно, и там читать будешь?

— Не-а, — отозвался Чита с дурашливой, почти Алькиной интонацией. И отдал Альке очки (тот сразу их нацепил). А Яр уже не первый раз подумал вот о чём: обычно, если человек снимает очки, взгляд его делается беспомощным, а у Читы — у Вадика — глаза становились твёрдыми, как у стрелка из лука.

— Летим, — сказал Чита.

...А через пять минут они сидели в цирке. Лизали остатки тающего мороженого. Смотрели, как над жёлтой ареной зажигаются фонари. У выхода выстроились униформисты в красных с золотом мундирах. Пахло опилками, конюшней, сухим лаком скамеек. Голоса и смех уносились под купол, где блестели никелем трапеции. Стоял такой знакомый «цирковой» гул. Всё было, как раньше...

Когда раньше? Где?

«Этого не может быть!» — опять резанула Яра холодная мысль. Но тут же улетела. «Ну и пусть! — мысленно крикнул ей вслед Яр. — Это есть!»

Оркестранты на балконе гудели и пиликали вразнобой — пробовали свои скрипки и тромбоны. И вдруг замолчали.

Вспыхнули ещё фонари — яркие до синевы. Над оркестром на тёмном панно забегали, запереливались круглые цветные огни.

Яр подумал, что это похоже на щит корабельного компьютера. Конечно, когда корабль меняет режим. А если крейсер висит в субпространстве, то огни горят неподвижно...

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гость

1

Огни горели неподвижно. Могли они и совсем не гореть. Свечение лампочек на пульте было лишь традицией. По крайней мере, когда крейсер зависал в субпространстве перед дальним прыжком. Вахта в это время тоже была не нужна. Если кто-то и дежурил, то опять же отдавая дань традиции или бессоннице.

Капитан Виктор Сайский бессонницей не страдал, а традиций не одобрял, так как они уставом СКДР не оговаривались. Но с другой стороны, они не были и нарушением. Поэтому Сайский лишь досадливо помолчал, когда Ярослав сообщил, что не пойдёт спать и останется у пульта.

Ярослав был старше всех в экипаже, старше даже астронавигатора Олега Борисовича Кошки, хотя тот уже выглядел пенсионером. У Сайского могли возникнуть подозрения, что разведчик Ярослав Родин просто не доверяет автоматике крейсера, а заодно и капитану, который эту автоматику сам отлаживал и проверял. До последней ячейки! Но высказывать подозрения и вступать в спор капитан не мог. Помолчав, он только спросил:

— Ну... а что же вы собираетесь делать в течение сорока часов? Если не секрет.

— Не секрет, — без улыбки сказал Ярослав. — Буду сидеть. Вспоминать...

Он говорил правду. Часы молчания, когда крейсер повисал вне привычных измерений и понятий, когда он по земным представлениям просто не существовал, и ничего, абсолютно ничего не могло случиться, Ярослав любил. Любил тишину и домашнее тиканье пружинного будильника «Янтарь». Будильник неторопливо отмерял локальное время.

Ярослав сидел и вспоминал. Собственно, это было главное, что оставалось у него. От поиска Яр ничего не ждал. Скорее всего, опять будут пустые ненужные планеты: каменистые глыбы, сожжённые жёстким излучением, или жидкие шары в оболочках метановых и аммиачных атмосфер. Они годятся для диссертаций, а для жизни бесполезны.

А если и будет жизнь — вроде микробов и горного мха на Виктории или тех безобидных песчаных тварей на АЦ-1, — ну и что?

Вероятность найти цивилизацию, с которой можно общаться, равна ноль целых и ноль, ноль, ноль, ноль... Найти остатки такой цивилизации легче. По крайней мере, на Леде нашли. И тысячи умов кинулись разгадывать: кто были существа, построившие посреди каменистой равнины громадный арочный мост? Что означают мозаичные фигуры на поле, частично изрытом ударами метеоритов? Кто-то уверял, что нашёл разгадку. Была даже написана «История цивилизации Леды». Сначала она понравилась Ярославу. Позже он перелистывал её с усмешкой. Автор строил догадки и доказательства, то и дело пристёгивая факты из истории Земли. Это было похоже на попытку примерить чужую одежду. Ярослава перестали интересовать загадки мозаичных фигур и гигантских арок.

Волновать себя тайнами давно сгинувших в космосе жизней? Зачем, если не сумел разобраться в своей?

Это был не эгоизм. Скорее, это было одиночество. А может быть, усталость.

И, оставаясь один, Ярослав теперь вспоминал не Леду, не Чёрные Кристаллы, не метановые вихри Меркатора и не стада песчаных кротов на АЦ-1. Он вспоминал двор на улице Огарёва. Юрку вспоминал, Славика, игру в лунки, синие вечера с костром на лужайке за стадионом и бумажные самолёты, которые пускали с голубятни. И очень часто — маму.

Мамина могила не сохранилась.

Когда Яр пришёл из первого броска, кладбище — уже сильно заросшее — ещё темнело над речным обрывом. Он отыскал тогда холмик с решёткой и плоским серым камнем. К холмику даже вела тропинка, — видимо, за могилой присматривала Галина. Она не дождалась Яра, вышла замуж за какого-то журналиста, но, значит, что-то сохранила в душе... Яр поправил камень, покрасил решётку и через три месяца ушёл на знаменитом СКДР-7 к Чёрным Кристаллам.

Когда он вернулся, Нейск ничем не напоминал прежний город. На месте кладбища блестели стеклянные павильоны какой-то фабрики. Это неожиданно сильно обидело, даже оскорбило Яра. Он понимал, что жизнь идёт и всё меняется, но выдержка скадермена изменила ему. Он отказался встречаться с журналистами и участвовать в конгрессе Академии, который был посвящён Чёрным Кристаллам. Не пошёл даже на встречу с учениками «своей» школы. Вернее, той, что стояла на месте бывшей кирпичной, трёхэтажной. Впрочем, обижать ребят Ярослав не хотел. Но он не знал, как говорить с ними. Дети стали не похожи на прежних — рассудительные, крайне вежливые, во взрослых костюмах, со взрослой расчётливостью в глазах и речах. С десятилетнего возраста знающие, кто из них кем станет.

Или Яру так казалось? Всё равно он не пошёл...

Он три года проработал в обсерватории Звёздного центра и старался жить, как все. И у него получалось. Даже чуть-чуть не женился второй раз. Но тут ему сказали про рейс «девятки», и он сразу согласился...

Будильник в тишине тикал с удвоенной громкостью. Это был старый квадратный будильник с треснувшим на уголке

стеклом. Очень похожий на тот, что стоял на подоконнике в комнате маленького Ярослава — Яськи. Когда он принимался трезвонить (от усердия даже подпрыгивал), Яська вскакивал, подбегал, давил кнопку и опять кидался в постель. Но теперь уже ногами к подушке. Это чтобы мама, когда придёт стаскивать одеяло, удивилась. И мама каждый раз притворялась, что удивляется. А потом начинала щекотать Яськины пятки. А он хохотал и лягался.

— Ну хватит, хватит, Ясик. Ох, какой же ты ещё ребёнок...

Мамин голос Яр помнит. Каждое звучание, каждую нотку. Руки помнит с прожилками и царапинками. Завитки волос и родинку на мочке уха... А лицо ускользает, ускользает... Карточки сгорели вместе с комбинезоном во время аварии вездехода на Меркаторе. Был ещё один снимок — фаянсовый медальон на памятнике. Но где он теперь?..

Будильник стоял на полированном выступе, который тянулся по всему пульту. В полировке, как в чёрной воде, отражался светлый циферблат и цветные лампочки панели. И магнитная кассета — её забыл Дима Кротов, самый молодой член экипажа. На одной стороне ленты были записи популярных ансамблей, на другой — чей-то голос. Дима слушал его в одиночку, в своей каюте...

Яр дотянулся до кассеты и убрал её в выдвижной экранированный ящик. Иначе при смене режима запись могла изрядно пострадать. Почти сразу Яр услышал за спиной лёгкие шаги. «Вспомнил», — с усмешкой подумал он и сказал:

— Дима, я убрал вашу кассету в третий ящик.

Дима не ответил. Яр оглянулся. Посреди рубки стоял мальчик.

Мальчик лет одиннадцати, белобрысенький такой, с немного оттопыренными ушами, с царапиной на вздёрнутом носу. В сетчатой безрукавке с большой дыркой на плече, в мятых серых брюках с пузырями на коленях. Правая штанина подвёрнута, будто он только что ехал на велосипеде. К пыльным вельветовым полуботинкам пристали пушинки — видимо, от цветущего тополя.

Мальчик посматривал вокруг со спокойным любопытством.

«Ну что ж...» — подумал Яр и кинул руку к левому карману с ампулой.

Когда Яр учился в Ратальской спецшколе, у них на курсе был паренёк, Стасик Тихов, он коллекционировал старую фантастику. Немного наивные, но в общем-то увлекательные романы и повести о звёздных путешествиях. В этой коллекции был целый раздел, который назывался «Визиты»: истории о том, как в космолётах и орбитальных станциях неожиданно появлялись люди или иные существа. Не из экипажа, а другие. В разделе было три части. В первой говорилось о «зайцах» (чаще всего о мальчишках), которые тайно пробрались на корабли, чтобы участвовать в экспедициях. Вторая часть содержала рассказы о «гостях»: о лицах разного возраста, повадок и характеров — они проникали на звездолёты и станции неизвестными науке путями, иногда с помощью колдовства. В третьей части речь шла о призраках.

Практика звёздных экспедиций два первых варианта отрицала начисто.

А «призраками» занималась медицина.

Врачи именовали эту болезнь длинным латинским термином. У скадерменов называлась она короче, но тоже по-научному — псевдоконтакт.

Псевдоконтакт проявлялся чаще всего у молодых астролётчиков, которых вдруг охватывала тяжёлая тоска по Земле, или у ветеранов, уставших от долгих рейсов и разведок. В этих случаях космонавты видели перед собой — очень реально — знакомых или незнакомых людей, которые вступали в беседы, звали куда-то, вспоминали о прошлом.

Псевдоконтакта отчаянно боялись. Он свидетельствовал, что следует менять звёздную профессию на земную...

Яр был далеко не молод, ностальгией не страдал. Значит, годы?.. Чёрт знает, когда они успели пролететь...

«Ну что ж... — подумал он довольно хладнокровно. — Придётся снова засесть в обсерватории...»

Но это позже. А пока — рейс. Бросок. В рейсе следует оставаться скадерменом. Яр щелчком выбил на ладонь крупную пилюлю пентарина. С некоторым сожалением взглянул на мальчишку, который сейчас исчезнет. Мальчишка был удивительно знакомый. Нет, Яр не знал его имени и раньше никогда не видел. Но такими были приятели в его детстве. Таким, видимо, был когда-то он сам.

Этот пацанёнок прикатил на своём велосипеде из тех времён, когда о звёздных полётах писали только фантасты. Когда не существовало неофициального, но почётного титула «скадермен» да и самого проекта СКДР не было в помине. А был старый Нейск, заросший одуванчиками двор, шаткая заброшенная голубятня, где играли то в партизанский штаб, то в полёт на Венеру...

Мальчик стоял вполоборота к Яру и разглядывал на потолке центральный, выключенный сейчас плафон.

— Испортился, что ли... — тихонько сказал он и стал медленно поворачивать голову к Яру.

Яр вздохнул и раздавил зубами желатиновый шарик.

Ледяные стрелы ударили в язык, в небо, в мозг. Всё вокруг стало холодным и пронзительно ясным. Таким ясным, что приглядишься — и поймёшь, куда и по каким ячейкам скачут за пультом электронные импульсы. Прислушайся — и узнаешь, какие сны снятся юному Диме Кротову или добродушному Борису (Сайский снов, естественно, не смотрит, так как это не предусмотрено инструкциями).

В мыслях тоже ясно, чисто и холодно. Исчезли сумятица, неуверенность, нерешительность. Исчезло всё ненужное, всё, что мешает, всё, что кажется...

Мальчик не исчез.

Он тоже стал ясным, как бы видимым насквозь. Яр, например, понял, что в кармане у мальчишки шелуха от семечек подсолнуха и огарок свечки, и что у него побаливает натёртая башмаком пятка, и что здесь, в рубке крейсера, мальчику интересно, а смущения он не испытывает и настроен даже как-то по-хозяйски.

Чёрт знает что...

Оставалось прошептать «сгинь-пропади» и плюнуть через левое плечо. Яр этого не сделал, хотя про суеверность скадерменов ходили анекдоты. Он ощущал странную беззаботность. Как школьник, который говорит: «Я сделал всё, что полагается. Теперь, если что-то не так, я не виноват».

Мальчик встретился с Яром светло-карими глазами. Взгляд был спокойно-доброжелательный и самую чуточку снисходительный. Мальчик улыбнулся уголками губ и опять поднял глаза. На выпуклые хромированные буквы над пультом.

— Эс-ка-дэ-эр-девять, — полушёпотом прочитал он. — Суперкрейсер дальней разведки...

— Совершенно верно, — сказал Яр, поворачиваясь вместе с креслом. Гость явно не собирался растворяться в воздухе, и оставалось одно: принять правила игры. «Чёрт возьми, почему я не ударяюсь в панику? И почти не удивляюсь? — спросил себя Яр. — Защитная реакция мозга?»

А мальчишка был такой славный и абсолютно настоящий. Как он устоял перед пентарином? Этого не могло быть...

— Совершенно верно, — сказал Яр. — Суперкрейсер дальней разведки. Сокращённо — эскадёр. В просторечии — скадер.

— А почему «девять»? — Мальчик опять посмотрел на Яра. Как на привычного собеседника.

— Потому что девятый номер. По порядку. Так построили...

— Да? — Мальчик то ли с недоумением, то ли с лёгкой досадой шевельнул выгоревшими бровями. — А я, когда сюда шёл, думал, он один. Просто «эскадер»...

— Ты сюда шёл... — задумчиво сказал Яр. — И вот пришёл... Да?

— Ага, — и он опять слегка улыбнулся.

— Ну и... может, поздороваяешься хотя бы?

— Ой... здрасте. Простите. — Он чуть покраснел и зашевелил большим пальцем в полуботинке — в том месте, где вельвет был протёрт почти насквозь.

Яр, бестолково улыбаясь, молчал. Мальчик решил, видимо, что хватит смущаться, и повёл весёлыми глазами по пультам.

— Сколько приборов всяких! В сто раз больше, чем я думал... А это что за кнопка?

Яр в броске перехватил руку.

Он не мог её перехватить. Рука должна была оказаться из воздуха. Или из чего там у призраков? Но она, по-мальчишески тонкая, твёрдая, тёплая, оказалась настоящей. Когда Яр испуганно разжал хватку, на загорелой коже остались белые пятнышки от пальцев.

Мальчик удивлённо морщился.

— Извини, — сказал Яр. — Больно? Я не хотел. Но это кнопка аварийного вызова, сейчас поднялся бы такой тарарам...

— Ой... — сказал мальчик и виновато засопел.

Яр откинулся в кресле.

— Ну ладно... Любопытно всё-таки, откуда ты взялся?

— Я? Ну... я сперва поехал к Данке, чтобы спросить про цирк. А потом сюда, на поляну. Думаю: наверно, пора заглянуть. — Он почему-то вздохнул. — Велосипед у забора поставил, а сам сюда, по лесенке. Вот...

— Угу... Ты хочешь сказать, что крейсер стоит на поляне и к нему ведёт лесенка?

Мальчик быстро и прямо взглянул Яру в глаза. Кивнул.

— М-да... — медленно сказал Яр. — Видишь ли, я убеждён в другом. Я уверен, что он висит в субпространстве, которое даже не совсем пространство и про которое учёные до сих пор спорят, что же это такое. И в которое трудно приехать на велосипеде хотя бы потому, что...

— Да, я знаю, — перебил мальчик и нетерпеливо мотнул головой. — Это по-вашему в этом... в субпространстве. А в самом деле, по-нашему, на поляне...

— По какому это по-вашему? — слегка уязвлённо спросил Яр.

— Это... Мы так придумали. Я и ребята. Когда стали в вас играть...

— Ничего себе заявочки! — Яр от изумления вспомнил мальчишечью терминологию давних лет. — Это, выходит, я придуманный? И весь экипаж, и крейсер?

Мальчик впервые смутился очень сильно. Оттопыренные уши стали алыми. Он опустил голову и левым башмаком начал неловко чесать правую щиколотку. Прошептал, не глядя:

— Ну... вы не обижайтесь, пожалуйста.

— Я не обижаюсь... — Яр дотянулся, взял его за локти (взял настоящего, живого, пахнущего травой, мальчишечьим потом, велосипедной смазкой и клейким тополиным соком), поставил перед собой. — Я не обижаюсь, малыш... но мне трудно в это поверить. В лесенку, в поляну...

— Тогда пойдёмте! — Мальчик весело отпрыгнул назад.

— Куда?

— На поляну!

Яр понял, что сейчас мальчик уйдёт.

— Постой! Скажи хотя бы, как тебя зовут?

Мальчик мигнул.

— Игна... т... тик, — проговорил он с лёгким усилием. Видимо, не знал: сказать полное имя или уменьшительное.

Яр этого не ждал. Среди его приятелей-мальчишек были Саша, Валерки, Вовки, Юрки, Серёжи. Потом пошла мода на Денисов, Егоров, Данилок... Игната он не помнил ни одного.

Но всё равно хорошо.

— Значит, Игнатик?

— Ага, — сказал мальчик с облегчением, будто сдал маленький экзамен. — Или иногда просто Тик... Вы пойдёте?

Яр улыбнулся:

— Я же на вахте.

— Ну и что? Корабль на автоматическом контроле, вахта сейчас не обязательная.

— Хорошо... — Яр встал. Если играть, так до конца. Но кажется, конец был близок. Какой?

Игнатик шагнул к двери аварийного гермошлюза и ухватился за хромированный рычаг, утопленный в глубокой выемке. Вопросительно оглянулся на Яра.

— Чтобы открыть эту дверь, надо её разблокировать и набрать двойной код, — тихо сказал Яр.

— Да не-е... — отозвался Игнатик.

И потянул рычаг.

Дверь тяжело отошла.

Яр увидел полосы солнца.

2

Солнце било в щели и открытую дверь дощатой будки. Будка примыкала к тамбуру шлюза. Игнатик легко перешагнул стальной комингс. Протянул оттуда, из другого мира, тоненькую свою руку Яру. Яр... вздохнул, зажмурился и тоже шагнул.

У него под ступнями прогнулись шаткие половицы. Яр быстро посмотрел назад. Там была теперь фанерная стенка с грубо сколоченной и плотно закрывшейся дверью.

— Как же я вернусь? — проговорил Яр с внезапным и совершенно детским страхом.

— Да очень просто. Так и вернёшься... Ой, то есть вернётесь... Яр...

— Что? — машинально спросил он. Сердце стучало глухо и медленно. С трудом толкало кровь. Было жутко? Пожалуй, нет. Но...

— Что? — механически повторил он.

— А можно... мы будем с вами на «ты»? Мы так привыкли, когда играли...

Игнатик опять засмутился, зачесал башмаком щиколотку. Он был настоящий. Его смущение было настоящим. И его царапина на носу, спутавшиеся на лбу волосы, дырка на майке.

И заброшенная голубятня была настоящая.

То, что это голубятня, Яр понял, увидев за окошком проволочную клетку. Здесь вкусно и знакомо пахло старыми досками.

Яр усилием воли вогнал сердце в нормальный ритм. В конце концов, он был скадермен с тремя звёздами на рукаве.

— Да, — сказал он Игнатику, — конечно. Давай на «ты», так лучше будет.

— Пошли? — Игнатик шагнул к двери голубятни. Яр за ним. В проёме двери он, согнувшись, замер.

Навстречу ударило лето.

Знакомое до сладкой тоски лето с высокой травой, тополиным пухом, солнцем и чистой голубизной над низкими крышами.

Голубятня стояла посреди поляны, усыпанной звёздами одуванчиков. Они покрывали поляну сплошной желтизной. Игнатик прыгнул в одуванчики и сказал Яру:

— Спускайся. Не бойся...

Яр медленно сошёл по приставной лесенке.

За поляной лежал широкий двор. Тот самый двор? С двухэтажным деревянным домом, с высоким сараем, вдоль которого тянулась берёзовая поленница. За покосившимся забором — два тополя и кирпичное здание переплётных мастерских. Косой столб с проводами, на проводах повис разбитый ветром змей с мочальным хвостом.

Вокруг поляны, шелестя спицами по листьям высоких сорняков, ездил на велосипеде мальчишка.

— Во, Алька на моих колёсах гоняет, — обрадовался Игнатик. — Алька!

Мальчишка подкатил, затормозил со звонким скрежетом. Распахнул ресницы, глянул изумлённо. И вдруг просиял — иного слова не найдёшь — навстречу Игнатику и Яру.

— Вот, — скромно сказал Игнатик. — Это Яр. Я привёл. А вы не верили.

Алька положил велосипед. Сияя, обошёл вокруг Яра, как вокруг новогодней ёлки. Потом встал перед ним, глянул серозелёными весёлыми глазами и приоткрыл пухлый рот с трещинкой на верхней губе.

Он был круглолицый, русский, в полинялом и обвисшем тренировочном костюме. Чуть пониже Игнатика и на год или полгода помладше.

— Здравсте... здравствуй, — сказал он и протянул прямую ладошку с плотно сдвинутыми пальцами.

Яр улыбнулся... и опять поразился реальности и невозможности того, что случилось. Обдало жутковатым холодом. Но Алька был такой... такой взаправдашний Алька. И всё вокруг — б ы л о.

А раз было, приходилось делать то, что полагается. Устав СКДР гласил: «Столкнувшись с необычными явлениями, которые на данный момент не поддаются объяснению, командир и члены экипажа, вместе или в одиночку, должны действовать, полагаясь на собственную интуицию и опыт, в соответствии с обстоятельствами».

В соответствии с обстоятельствами следовало взять Алькину руку и поздороваться. Яр так и сделал.

— Ой! — спохватился Игнатик. — Надо же к Чите зайти! Подождите, я запрु велосипед в сарай, и пойдём...

Он вскочил в седло и укатил по траве и одуванчикам.

У Яра и Альки наступило неловкое молчание. Чтобы его прогнать, Яр спросил:

— А кто такая Чита?

Алька обрадованно засмеялся:

— Это не «такая», а «такой»! Это Вадька, мы его так прозвали.

— А он не обижается? Чита — это ведь, по-моему, обезьяна из старого кино про дикаря Тарзана...

Алька замотал головой так, что волосы разлетелись по сторонам.

— Это не из кино, что ты! Это сокращённо от слова «читатель».

Подбежал запыхавшийся Игнатик.

— Пошли! — Он торопливо взял Яра за руку. За другую — двумя ладошками — ухватился Алька.

Улица была та, где он бегал в детстве. Или почти та. Яр узнавал дома с палисадниками, старые ворота с поржавевшими овальными знаками страховых обществ. Вот старая кривая липа, вот водонапорная колонка, похожая на человечка в матросском берете с помпоном. У неё, как всегда, лужа, из лужи пьют воробьи.

Асфальтовый тротуарчик тут и там пробит крепкими небольшими лопухами...

Вошли во двор, похожий на тот, где жил когда-то Славик Раскатов. На середине приставной лестницы, ведущей к чердаку, сидел мальчик в очках. Это, безусловно, и был Чита. Во-первых, потому, что он читал. Во-вторых, потому, что Алька радостно завопил:

— Чита, мы пришли! Вот смотри!

Чита поднял голову. Рывком откинул со лба тёмное крыло волос. Положил очки в накладной карман отглаженной голубой рубашки. Прикрыл книгу и встал на ступеньке. Отряхнул красивые светлые брюки с острыми стрелками. И, не держась за брусья лестницы, легко сбежал по шатким перекладкам.

Встал перед Яром — тоненький, высокий, очень аккуратный. Посмотрел прямо и внимательно.

— Здравствуйте, Яр. Хорошо, что вы пришли.

— Мы договорились с Игнатиком, что будем на «ты», — сказал Яр.

Чита рассеянно кивнул. Посмотрел на Игнатика.

— Тик, просто не верится. Как ты всё это сделал?

— Я старался, — скромно сказал Игнатик.

— А где Данка? — нетерпеливо спросил Алька и крутнулся на пятке. — Ещё не пришла?

— Вот она идёт, — сказал Чита.

В калитку вошла девочка в красном платье. Угловатая, быстрая, с толстогубым добродушным ртом, но строгими бровями и тёмными глазами. Игнатик и Алька подтянулись. Впрочем, Алька тут же довольно развязно сказал:

— Где тебя носило? Принесла билеты?

— Здравствуйте, — сказала Данка. В основном Яру.

— Это Яр, — сообщил Игнатик.

— Я поняла... — в Данкиных глазах металось любопытство, но говорила она сдержанно. — Значит, всё-таки вытащил вас Тик... Он у нас молодец, верно?

— Тут какой-то заговор, — заметил Яр. — Выходит, меня заранее готовились вытащить?.. Объясните мне всё по порядку! — взмолился он.

— А мальчишки не объяснили? — Данка с укором глянула на ребят. Она была постарше и, видимо, умела командовать.

— А чего... — пробормотал Игнатик. — Я сказал, что мы играли.

— По дороге поговорим, — пообещала Яру Данка. — Вы ведь пойдёте с нами в цирк?

— А у вас на меня и билет есть?

— Билета нет, но здесь такое правило: если собираются четверо ребят, один взрослый может пойти с ними бесплатно.

— А если спросят, откуда я взялся и кто я такой?

— Кому какое дело? — буркнул Игнатик.

— Мы скажем, что к Игнатику приехал в гости дядюшка! — воскликнул Алька и ухватил Яра за руку. — Пошли?

Данка хмыкнула и оглядела Альку от плоских растоптанных сандалет до растрёпанной макушки. Потом Игнатика — его дырявую майку, мятые штаны и пыльные башмаки. Игнатик начал торопливо раскручивать правую штанину.

— Брысь, — холодно сказала Данка. — Даём вам десять минут.

Игнатик с Алькой переглянулись и рванули к калитке. Уже с улицы Алька крикнул:

— А Яр? Ему тоже надо переодеться!

— Не ваша забота, — ответила Данка.

Яр посмотрел на себя как бы со стороны: спортивные брюки из серебристой тетрактани, форменная рубашка с эмблемой СКДР и звёздами на рукаве...

— Я принесу вам папин костюм, — деловито сказала Данка.

— А как отнесётся к этому папа?

— Папа умер...

— Ох... прости, пожалуйста. Но...

— А мама на дежурстве... Вы не волнуйтесь, Яр, мы вас не подведём, всё будет хорошо.

«Ничего себе „не волнуйтесь“», — с усмешкой подумал Яр и понял, что не волнуется. Действие пентарина кончилось, пришло состояние лёгкого опьянения и беззаботной лени. Тёплое лето обволакивало Яра. Крейсер показался далёким сном. Да и где он был теперь, этот крейсер?

...Данка принесла мягкий вельветовый костюм и клетчатую рубашку. Яр переоделся в сарайчике, где пахло сухой травой и копошилась в углу курица-несушка. Одежда оказалась широковата в плечах, а по росту в самый раз.

— Вы... то есть ты немножко на папу похож, — улыбнулась Данка. — Такие же волосы светлые и такой же высокий. Только ты моложе.

— Моложе? — усмехнулся Яр. — Да ты знаешь, сколько мне лет?

— Сколько?

Яр сказал.

Данка охнула.

Но Чита авторитетно разъяснил:

— Это же общее число лет. А по локальному биологическому времени гораздо меньше.

— Да, — согласился Яр. — Но это — пока в рейсе. А на Земле потом жизнь берёт своё. И начинает наматывать годы за месяцы...

— Вам никак не дашь больше тридцати пяти, — с чуть заметным девичьим кокетством сказала Данка.

— Пожалуй, — согласился Яр. — А тебе сколько?

— Четырнадцатый... — Она вздохнула. — А когда папа умер, было девять.

— Что же случилось с папой? — нерешительно спросил Яр.

— С папой?.. Да как со многими. Эпидемия... У Игнатика вот тоже... И отец, и мама... Он теперь с тётей живёт...

Чита сказал, будто заступился:

— Она же ничего, хорошая тётка...

Грохнула калитка — примчались Игнатик и Алька. Красивые такие. В одинаковых парусиновых шортиках — чистых, отутюженных, с лаковыми ремешками и пёстрыми нашивками. В рубашках с накладными карманами и погончиками: Алька в белой, Игнатик в оранжевой. Игнатик переобулся в новенькие блестящие сандалии. На Альке остались прежние расхлябанные сандалеты. Данка посмотрела на них с осуждением.

— А других нет, я их утопил, — независимо сказал Алька.

Брюки и рубашку Яра Чита спрятал в тайнике за поленицей, где у него хранились книги. Яр смотрел на это с тревогой. Отдавая одежду, он как бы рвал последнюю связь с крейсерам.

— Братцы, а когда вы вернёте меня домой?

— Да вернём, вернём, — снисходительно сказал Алька.

— Вечером, — сказала Данка. — Если вы захотите...

— То есть как это «если захотите»?

— Вечером, — торопливо успокоил Игнатик. — Ты не бойся, Яр... Ну, идём?

Чита надел очки и открыл книгу.

— Он что, и на ходу читает? — шёпотом спросил Яр.

— Ага, — с некоторой гордостью сказал Алька.

Летнее утро царствовало над тихими улицами. Прохожих было мало. Изредка с тарактением проносились автомобили старых, каких-то полужнакомых марок.

Город становился не совсем знакомым.

Сначала Яру казалось, что он попал в старый Нейск. Или двойник Нейска. В этом была бы хоть какая-то, пускай сказочная, логика: неведомые силы вернули его в мир детства. Но город оказался не совсем таким, каким помнился Яру. Чем ближе к центру, тем больше было путаницы. За старинным зданием банка со знакомыми львиными мордами над окнами стоял вместо привычного магазина «Детский мир» красный трёхэтажный дом. За крытым рыночным павильоном, куда Яська ходил с мамой за луком и капустой, поднималась кирпичная лютеранская кирха — такой в Нейске вообще не было...

— Как называется ваш город? Нейск? — спросил Яр у Данки.

Она сказала чуть удивлённо:

— Нет, Орехов.

Чита шагал впереди и ухитрялся не спотыкаться. Алька, шлёпая сандалетами, подбежал к нему.

— Ты что читаешь?

— «Зверобой» Фенимора Купера...

— Ух ты!.. А это кто на картинке? Индейцы?

Он зашагал рядом с Читой, заглядывая в книгу. Яр вдруг заметил, что ноги у Альки чуть-чуть колесом, как у маленького кавалериста. Это было еле заметно и ничуть не портило Алькину внешность. Наоборот, делало его походку особенно ловкой и слегка шаловливой. Алькиной...

Игнатик и Данка шли по бокам от Яра. Игнатик двумя руками держал его за локоть. Один раз он заглянул Яру в лицо, тихо сказал:

— Яр...

— Что... Тик?

Он заулыбался:

— Ничего. Просто...

— А вот и цирк, — сказала Данка.

3

Когда вышли из цирка, в разгаре был день. С жарким солнцем, с высокими белыми облаками.

— Купаться, — сказал Алька и запрыгал на здоровой, незабинтованной ноге. — Пойдём, Данка, да? — Он заглядывал ей в лицо, слегка подлизываясь.

— Можно, — отозвалась Данка. — Тебе полезно остыть. — Она повернулась к Яру. — С ним невозможно сидеть, верно? Хохочет как сумасшедший, да ещё ногами колотит.

— Ну а что делать, если клоуны? — заступился Яр. — Я сам хохотал, как в детстве... Когда я маленький был, у нас такие же клоуны выступали. Батон и Шура Печкин.

И подумал: «А может, эти же самые?»

— Вы хохотали нормально, а он — как будто его сто русалок щекочут, — сказал Чита, раскрывая на ходу книгу.

— Ты всё равно ничего не видел и не слышал, ты читал, — поддел Алька.

— Читал и слышал. И всё видел, — невозмутимо сообщил Чита. — Видел даже, как Игнат хулиганил.

— А что я... — не очень уверенно сказал Игнатик.

— А почему у Софии Марчес кубики два раза не туда падали, а петух всё время прыгал в вазу и кукарекал как бешеный? Она чуть не плакала.

— Тик, ну как не стыдно! — сказала Данка. Впрочем, без особой строгости. Алька весело растопырил ресницы. Игнатик потупился, затеребил шортики и произнёс Алькиным голосом:

— Я исправлюсь.

Яр хотел спросить, как это Игнатик сумел устроить такие шуточки, но Алька очень ехидно поинтересовался:

— Чита, тебя щекотали русалки?

— Нет, — хладнокровно сказал Чита.

— А откуда ты знаешь, как хохочут, если они щекотят?

— Липучка, — сказала Данка.

— Говорят, раньше русалки водились под обрывом у крепости, — сообщил Игнатик и пристроился к Яру. Взял его за рукав.

— Мало ли что говорят, — возразила Данка. — Тебе что ни скажи, ты всему веришь... Знаете, Яр, он просто до ужаса доверчивый. Сам такие штуки умеет делать, а верит всему, что ни скажут.

— Ну и что... — слегка надулся Игнатик. И поплотнее взялся за рукав Яра.

Яр благодарно посмотрел на его белобрысую макушку и спросил:

— А что за крепость?

— Старинная, над рекой, — объяснила Данка.

— Пойдёмте купаться к крепости! — оживился Алька.

— Только надо купить что-нибудь поесть, — рассудила Данка. — Через час вы запищете от голода... Тик, сколько осталось копеек?

Игнатик вытряхнул из кармана какие-то бумажки, огарок свечи и две монетки. Данка недовольно сказала:

— Зачем ты свечку-то с собой таскаешь? Смотри, от неё на кармане сальное пятно.

— Подумаешь...

Они шли по старой улице с двухэтажными домами. Вдоль потрескавшихся асфальтовых тротуаров цвели высокие тополя. В безветрии медленно падал тополиный пух. Тик сдувал его с большого белого каравая, который купил в подвальчике с вывеской: «Хлеб и мука».

По тряской мостовой, позванивая, проскакивали мальчишки-велосипедисты. Почтенные пенсионеры в парусиновых пиджаках прогуливали пуделей и болонок. Псы морщились и чихали от пуха. Машин почти не было, протарахтел только голубой грузовичок, он вёз на прицепе бочку с квасом. Двое загорелых ребятишек в красных трусиках катили по дороге громадную камеру от автомобиля — тугую и блестящую. Она звонко прыгала на булыжниках.

— Нам бы такую, — вздохнул Алька. Тут же отвлёкся, завертел головой. — Ой, смотрите, фотография!

— Ну и что? — строго сказала Данка.

— Автоматическая же! Можно сняться и сразу карточки получить.

— Вечно ты выдумываешь. Зачем?

— На память Яру, — хитро сказал Алька.

— А в самом деле! — обрадовался Яр. — Давайте!

Он подумал, как здорово будет сохранить снимок этой замечательной компании. На память о чуде, которому он уже перестал (почти перестал) удивляться. По крайней мере, останется доказательство, что это было.

— А деньги? — спросила Данка.

Игнатик показал четырёхкопеечную монетку.

Они вошли в полутёмный фанерный павильончик. Плоский жестяной клоун у стены приподнял шляпу и задрогал ногами. Над ним зажглась надпись:

ОПУСТИТЕ 4 КОПЕЙКИ
И ВСТАНЬТЕ ПЕРЕД ОБЪЕКТИВОМ У ЧЕРТЫ

— Дай, я опущу! — Алька толкнул монетку в щель старинного аппарата рядом с клоуном. Аппарат был нарисованный, а объектив у него — настоящий.

СОДЕРЖАНИЕ

ГОЛУБЯТНЯ В ОРЕХОВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

Один и четыре 7

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Гость 17

ГЛАВА ВТОРАЯ

Свеча и мячик 48

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Перейти реку... 77

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Игнатик 95

ГЛАВА ПЯТАЯ

Дорога 119

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Алька 156

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Зуран 179

ПРАЗДНИК ЛЕТА В СТАРОГОРСКЕ

ПЕРВАЯ ЧАСТЬ

ДЕНЬ ЗНАКОМСТВ

Я бегу, я тороплюсь...	205
Орден Алого шиповника	214
Бродяга	222
Шёпот звёзд	227
Засада на скрипача	232

ВТОРАЯ ЧАСТЬ

ОТЕЛЬ «КУРЯТНИК НА КОЛЁСАХ»

Наша компания	244
О чём писал Глеб	255
Огненный рецепт	265
Лунная песня	275
Огненный рецепт. Продолжение	289

ТРЕТЬЯ ЧАСТЬ

КАРНАВАЛ

Копья волшебной стражи	293
Искорка	304
Клоун	307
Письмо Ерёмы	317

ЧЕТВЕРТАЯ ЧАСТЬ

Где сходятся рельсы...

Открытие	323
Галактика	327
Теория параллельных пространств	333
Мы едем в бесконечность	339
На стрелке	347
Двое на рельсах	351

Мальчик и ящерка

Арсенал	363
Магистр	383
Ветеран	401
Снежная поляна	417
Осень в Старогорске	436
Второй визит Магистра	453
Особая цель	464
Ветерки	484
Станция Мост	496